

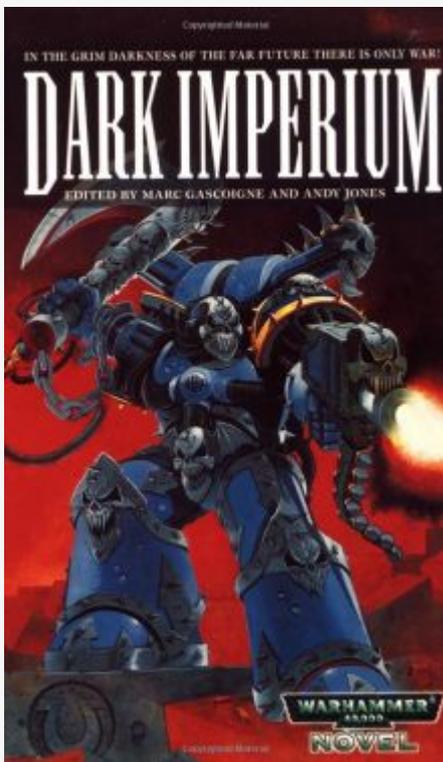
Побег из ада / Hellbreak (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Побег из ада / Hellbreak (рассказ)

Автор [Бен Каунтер / Ben Counter](#)

Переводчик [Cypher](#)

Издательство [Black Library](#)

Входит в сборник [Темный Империум / Dark Imperium](#)

Год издания [2001](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

- Ты даже не подозреваешь, как тебе повезло, тварь - прошипел механический голос в ухе комиссара фон Класа.

Невидимая рука протащила его по последним ступеням из мрака прямо в обжигающее сияние арены. Он замешкался от яркого света и споткнулся, упав лицом на грубый песок и содрав кожу со щеки. Отовсюду слышались насмешки. Он взглянул вверх и его охватил ужас, с которым не помогла справиться даже

его тренировка.

Вокруг него расстилалась арена, размером с посадочную площадку, песчаный пол был испещрен бурными полосами крови его предшественников. По краю арены шло кольцо из кольев, каждый кол был высотой с человека и увенчан головой. Там были головы людей и орков, головы эльдар с тонкими чертами лица, странные головы сотен других видов.

За кольцом вздымался амфитеатр, огромный и темный, выкованный из черного железа в формы, взятые, казалось, из фантазий сумасшедшего. Страшные кольца и искривленные галереи образовывали рты злобных лиц, огромные железные когти поддерживали частные ложи для избранных. Сооружение было окружено мириадами черных башен и шпилей Комморага, насмешки над красотой, пронзающей небо цвета гниющей раны.

Но не это было самым худшим. Когда фон Клас поднялся на ноги, чувствуя, как его мышцы ноют после неожиданного освобождения от стальных оков, в которых его так долго держали, он ощутил, как их глаза смотрят на него, и услышал их смех. Аудитория из сотен тысяч ренегатов эльдар, была рассажена в строгом соответствии с рангами, их бледные чужацкие лица сияли подобно светильникам на фоне черных и фиолетовых облачений. Серебристые вспышки мерцали повсюду, и он мог слышать, как они говорят друг с другом тихим голосом – возможно делая ставки на то, сможет ли он выжить или нет, или просто насмехаясь над человеком, который еще не понимал, что он уже мертв.

На самом почетном месте, справа от края арены, восседал предводитель. Даже с такого расстояния его лицо казалось фон Класу самым мрачным из жестоких из тех, которые он когда-либо видел. Его фиолетовая мантия лишь наполовину скрывала церемониальную броню с огромными наплечниками в форме полумесяцев. Предводитель был окружен неподвижными телохранителями, которые были вооружены копьями с яркими серебристыми остриями, и огромным числом приспешников и придворных сидящих неподалеку.

У фон Класа было немного времени, чтобы увидеть все это, до того как предводитель протянул тонкую руку к толпе, которая исторгла свое одобрение в оглушительном визге. Фон Клас посмотрел кругом, чтобы понять смысл этого сигнала, но он был один на огромной арене. Дверь, через которую его втащили, ушла в песок позади него.

Краем глаза он заметил, как мелькнуло нечто. За то время пока он разворачивался и посмотрел на это, оно приблизилось. В голове комиссара бушевала буря чувств и страхов, пока его старые натренированные инстинкты не взяли верх, и он напряг свои ноющие мышцы в преддверии схватки.

У человека было, наверное, лишь полторы секунды, чтобы увидеть, как ведьма несется, кувыркаясь, по песку к нему. Она носила броню лишь для того, чтобы выставить напоказ нечеловечески стройное и гибкое тело. Когда она двигалась, ее длинные красно-черные волосы развевались за ней бурной волной. В одной руке у нее была мерцающая металлическая сеть, в другой она вращала алебарду, длиной в ее рост, увенчанную широким, зловеще искривленным лезвием.

В своей роскошно обставленной ложе, во главе зала, эльдар подавший сигнал, Архонт Кипселон, склонился к Яе, которая полулежала рядом с ним. Высокая и стройная, она возлежала на своем месте, демонстрируя свои змееподобные мускулы. Глава Культа Ярости, наиболее ценный союзник Кипселона, Яе выглядела абсолютно соответствующе своей зловещей репутации. В ее темные волосы были вплетены серебряные цепочки, у нее были прозрачные изумрудные глаза, один лишь взгляд которых мог

принудить нижестоящего эльдар к подчинению.

- Я слышал, что это одна из твоих лучших Ведьм - небрежно бросил он - слишком много для одного существа.

- Возможно, мой архонт - Но я слышала, что этот принадлежит к их правящему классу. Может быть, он развлечет нас. Они бывают необыкновенно крепкими.

Тем временем на арене человек повернулся, пригнувшись и высоко подняв руки, приготовившись к первой атаке ведьмы. В фиолетовой дымке стремительного движения можно было увидеть лишь ее лицо, искаженное напряжением и ненавистью, ее глаза пылали от действия священных наркотиков, растекавшихся по ее венам. Изыщно заостренные эльдарские уши и огромные глаза не могли скрыть ее первобытной дикости.

- Я надеюсь, она действительно так хороша, как про нее рассказывают - продолжил Кипселон - Кабалу Сломанного Шпиля нужны хорошие воины. Есть те, кто желает отнять у меня власть, которую я заполучил.

- Вы знаете, что Культ Ярости верен вам - улыбнулась Яе - Ваша сила и мудрость достаточна для того, чтобы обеспечить нашу верность.

Кипселон изобразил снисходительную улыбку. Он прожил достаточно, чтобы понимать, что эти слова являются тайным кодом Комморрага - он знал это потому, что видел множество эльдар, которых погубили предательства, в том числе те, которые совершал он сам. Но Яе и ее ведьмы были ему жизненно необходимы. Уэргакс и Кабал Лезвия Клинка угрожали сокрушить утонченную жестокость его владений. Но это были дела для его дворца. А сейчас он постарался сосредоточиться на развлечении. В конце концов, оно было организовано специально для него. Такая почтительность была, несомненно, порождена страхом, но в Комморраге почтительность и страх были одним и тем же.

Ведьма, вскинув алебарду над плечом и высоко выпрыгнув в воздух, издала пронзительный вопль полный ненависти и наслаждения. Клинок, описав сверкающую дугу, обрушился на человека.

Яе выдохнула от возбуждения и привстала с сиденья, в ее глазах сверкало восхищение. Кипселон улыбнулся - старый эльдар все еще ценил простые радости жизни. А мертвый человек был без сомнения радостью жизни.

Человек уперся ногой в песок и, оттолкнувшись, прыгнул в сторону, уходя от удара лезвия, которое серебристо-белой вспышкой мелькнуло около его лица. Любой другой потерял бы равновесие и упал бы в пропитанный кровью песок, но только не ведьма. Она выполнила изящный кульбит, приземлившись на ноги, и крутанулась на каблуках, чтобы встретить жертву лицом к лицу. Но комиссар был уже готов, и быстрее чем смог бы обычный человек, он ударил ладонью в лицо ведьме, ее голова дернулась назад, ярко-алые брызги вырвались из разбитого носа.

Злой свист разочарования понесся с трибун. Кипселон слышал вокруг себя грязные ругательства. Яе вскочила, ее глаза все еще светились от удовольствия - потому что истинная ведьма наслаждается боем вне зависимости от того, кто побеждает. Но остальная публика не была так счастлива.

На арене ведьма перекатилась за один удар сердца, готовая подняться и встретить выскочку-человека, но тот обрушил обутую в ботинок ногу на ее поясницу, придавив ведьму к земле.

- Убей его! - закричал разгневанный зритель. - Убей это животное!

Сотни других голосов присоединились к нему, поднялся рев, который превратился в одобрительные возгласы, когда ведьма, обхватив ногу человека своей ногой, опрокинула его на спину. Она метнулась к жертве, забыв про сеть, готовая снести голову человеку алебардой.

Публика заметила это раньше, чем она: у ведьмы больше не было ее оружия. Оно было у противника. Прежде чем она смогла что-то предпринять, комиссар нанес удар алебардой. Ведьма вскинула над лицом и шеей сеть, зная, что металлические жилы отразят удар и сохранят ей голову на плечах.

Но человек метил не в шею. Ему было наплевать на элегантное обезглавливание – верх мастерства убийцы. Вместо этого лезвие пронзило живот ведьмы и вышло меж лопаток. Когда хлынула кровь, ведьма выглядела неопишимо удивленной, все еще пытаясь осознать, что ее оружие было украдено.

Человек вытащил клинок из тела и поднялся на ноги. Ведьма рухнула на землю, вокруг нее песок начал окрашиваться в красный цвет.

Крики публики превратились в бессловесный вой ярости, который неистово звенел над амфитеатром. Яе все еще была на ногах, неглубоко и часто дыша, ее глаза были распахнуты.

Кипселон поднялся и встал рядом с ней.

- Не бойся – прошептал он ей сквозь шум – Оскорбить меня, так же как и тебя, значит умереть. Я прикажу отдать человека гомункулу. А когда я буду уверен в том, что он больше не выдержит боли, я принесу тебе его шкуру.

Яе не ответила. Ее глаза горели, а на лице было выражение досады. Безмолвным жестом Кипселон приказал своим закованным в черную броню телохранителям забрать человека и унести тело ведьмы.

Увидев приближающихся темных эльдар, человек бросил алебарду ведьмы, вероятно ожидая быстрой смерти в награду за свою победу. Толпа продолжала выть, когда один из воинов оглушил человека ударом копья, и бесчувственное тело утащили прочь, навстречу участи, которую невозможно было даже представить.

Кипселон подумал, что с чужаками всегда так. Они слишком глупы, чтобы понять – лучше им было бы умереть.

Комната была залита ярким безжалостным светом, лившимся с потолка. Двое чужацких воинов стояли на страже у черной стены. Пол был сделан из металла, его уровень понижался к центру комнаты, где было дренажное отверстие, куда стекали выделения тел. Стены были увешаны кожами, целиком снятыми с людей, вероятно, лучшими из всех, что были сняты палачом за годы. Татуировки были сохранены, и фон Клас узнал эмблемы полков и религиозные тексты, нанесенные на кожи: Катачан, Стратикс, Юрн, даже его родной Гидрафур. Девизы Экклезиархии выведенные замысловатым шрифтом. Примитивные племенные шрамы. Даже зеленовато-коричневая шкура орка, на груди которой были вырезаны символы, обозначающие количество убитых врагов.

Он посмотрел на себя. Он не был скован. Вероятно, они считали, что один лишь страх удержит его здесь. Они, пожалуй, были правы.

- Я не умру – громко сказал фон Клас, каждое слово подобно удару молота отдавалось в его раскальвающейся от боли голове. - Меня не так просто убить.

Воины ничего не ответили. Дверь между ними открылась с легким шипением, и палач скользнул внутрь. Фон Класу были известны слухи о палачах-художниках эльдарских ренегатов, но только сейчас он начал в них верить.

Эльдар взглянул на фон Класа глазами, которые давно уже провалились так глубоко, что их не было видно, лишь темные глубокие провалы глазниц. Его кожа была мертвенного серо-голубого цвета, растянутая и исполосованная возрастом и невыносимыми пытками, губы ввалились внутрь, как у трупа, нос провалился и исчез, кожа на безволосой голове была настолько тонкой, что белая кость просвечивала сквозь нее.

Мантия, которая скрывала его волочашую фигуру, была так же сшита из кож. Он отобрал для мантии лучшие образцы: редкие металлические татуировки, аккуратные медицинские шрамы ветерана Астартес. С пояса, вероятно сделанного из заскорузлой кожи огрина, свешивались множество инструментов, скальпелей и шприцев, странные и таинственные устройства для снятия кожи или для вытаскивания нервных окончаний, будто заноз из пальца. Было и еще кое-что – серебрянная сочлененная с рукой перчатка, с медицинскими лезвиями на каждом пальце. Лезвия были настолько острыми, что кислотный свет разбивался на гранях лезвий и в воздух отражались яркие лучи.

За ним находился раб, юная человеческая женщина, одетая в лохмотья, с длинными и свалывшимися волосами, которые когда-то были светлыми. Она быстро трусила за палачом подобно запуганному домашнему животному. У нее было несколько бросающихся в глаза шрамов, палачу нужно было, чтобы она была жива и находилась в здравом рассудке, так как она была его переводчиком.

Палач прошипел несколько слов на своем языке, сухой, будто змеиная кожа язык скользил меж оскаленных зубов.

- Верредаек, гомункул Лорда Архонта Кипселона из Кабала Сломанного Шпиля – запинаясь, начала говорить переводчик на Имперском Готике – хочет, чтобы его... подопечный знал, что он не полагается в своем искусстве на бездушные механизмы. Некоторые гомункулы малодушно применяют машины, которые производят посредственные произведения искусства. Верредаек будет использовать лишь древнее мастерство, которое хранилось палачами Сломанного Шпиля. Он горд этим.

Фон Клас поднялся, его все еще терзала боль. Он был так же высок как стражи, и гораздо выше, чем сморщенный гомункул.

- Я не умру здесь. Я собираюсь истребить каждого из вас – он говорил тем голосом, которым отдавал приказы своим людям. – Я, может, этого не увижу и не буду при этом присутствовать. Но я вас уничтожу.

Запуганная девушка, заикаясь, перевела его слова на язык эльдар. Через нее, Верредаек ответил:

- Хорошо, что ты не сдаешься. Тела и души существ, которые отказываются признавать, что они находятся на грани смерти, подолгу... развлекают меня. Первый надрез будет воистину сладок.

Неуловимым движением у палача в руке оказалось лезвие длиной с указательный палец и острое настолько, что оно будто исчезло, когда его развернули гранью. Палач сделал шаг вперед, кожи его одеяния шелестели, соприкасаясь друг с другом.

- Ты познаешь страх, но знай так же, что ты не умрешь напрасно. Искусство боли продолжает себя через души подобные твоей, их мучения вызревают и продолжают, и однажды ты станешь частью более грандиозного творения.

Фон Клас перевел взгляд от ножа к невидящим провалам глазниц Верредаека, и тут же понял свою ошибку. Вот как эльдар пытал свои жертвы, не сковывая и не привязывая их. Эти кошмарно пустые впадины, отчетливо освещенные лохмотья сухой кожи, казалось, пригвоздили его к земле и высосали все силы из его конечностей.

Его командиры решили, что из фон Класа выйдет офицер, но он никогда не был выдающимся офицером, никогда не вел атаки, которые опрокидывали армии, никогда не держал строй перед лицом неисчислимых орд. У него были медали, которые обычно вручались всем комиссарам, и ничего больше. Возможно, он успешно командовал бы двадцатью тысячами человек, но Империи сделал из него одного среди миллиона.

Но он выжил в схватке на арене. Он доказал, что для своих захватчиков является чем-то особенным, так что они прислали Верредаека в качестве наказания. И теперь он тоже будет особенным. Он переживет и это. Ему было безразлично, что об этом никогда не узнают. Он все равно должен это сделать.

На секунду гипнотическая аура Верредаека была сломлена, когда фон Клас принес себе клятву выжить. Он закрыл глаза, и его тело вновь принадлежало ему. Второго шанса у него не будет.

Собрав все силы, он ударил, низко и сильно. Его рука пробила рыхлую плоть и углубилась дальше. Гомункул задохнулся от изумления. Комиссар схватил Верредаека, который так и не упал, и заслонился им от выстрелов стражи. Один из залпов хлестнул Верредаека по спине, его кожа разлетелась, разорванная подобно гнилому фрукту под ударом сотен кристаллических осколков. Следующий выстрел задел плечо фон Класа лишь по касательной, тем не менее, около дюжины осколков глубоко вонзились в мышцы. Переводчица кричала и металась в дальнем углу комнаты, обхватив руками голову так, чтобы ничего не видеть.

Фон Клас ударил телом Верредаека в одного из охранников, впечатав того в черную стену и оглушив. Второй страж заколебался. И этого было достаточно. Фон Клас перебирал инструменты на поясе Верредаека пока не почувствовал холодную сталь перчатки. Он с силой вдел руку в нее, ощущая, как сплетенная металлическая сеть обхватывает его руку. Одним движением он сорвал перчатку с пояса и глубоко вонзил ее в грудь второго охранника. Эльдар издал глухой стон и безжизненно осел на пол.

Фон Клас еще раз поднялся, безвольное тело Верредаека соскользнуло с его плеча и упало на пол у стены. Первый страж неподвижно лежал около черной стены, об которую его приложили. Возможно, он был мертв, но, глядя в безжизненные зеленые глаза на шлеме чужого, фон Клас не мог утверждать это наверняка. Но второй точно был мертв, его кровь текла по полу к дренажному отверстию в центре.

Верредаек слегка шевельнулся и неожиданно на фон Класа оказался нацелен чужацкий пистолет, узкий и странный, который сжимала заскорузлая серо-голубая рука. Не размышляя, фон Клас полоснул перчаткой гомункула по эльдару, когда тот повернул голову, чтобы прицелиться. Лезвия ударили в лицо гомункула, срезав тонкую кожу до костей. Эльдар, наконец, рухнул на пол.

Его было трудно убить. Но и меня тоже, подумал Комиссар фон Клас.

Он хотел, было, взять одну из винтовок стражей, но ему понадобились бы обе руки, чтобы стрелять из нее, а он хотел сохранить перчатку-лезвие. И осколки, которые задели его, хоть и вызывали периодически вспышки боли в мышцах, тем не менее, не убили его. Не слишком эффективно, холодно подумал он. Оружие палача может оказаться более полезным. Он вынул пистолет из мертвых рук Верредаека. Он был поразительно легким и очень странно выглядел.

Комиссар повернулся к рабыне-переводчице, которая все еще пряталась в углу под одной из кож.

- Ты идешь? - спросил он - Мы можем сбежать отсюда, если поторопимся.

Переводчица, кажется, не поняла его, как будто она не привыкла, чтобы на Имперском Готике обращались непосредственно к ней и не была уверена как отвечать. Она затрясла головой и удвоила попытки спрятаться от него. Фон Клас решил оставить ее.

Дверь, через которую вошел Верредаек, открылась при простом нажатии на панель, вмонтированную в стену. Коридоры за ней были выполнены из того же отполированного металла, но были причудливо скручены и изогнуты, будто все место целиком было схвачено и сжато гигантом. Фон Клас рысью кинулся по коридору, его мысли роились, пытаясь понять, есть ли у этого места структура, другая часть его мозга наблюдала за тем, нет ли признаков приближения стражей.

Он достиг ряда из четырех камер, двери опять легко открылись от прикосновения к панели. За первой дверью был человек, имперский гвардеец, все еще одетый в грязно-серую форму, его голова была выбрита, а лицо выглядело преждевременно состарившимся.

Человек заморгал от неожиданного света, ибо камеры были погружены в абсолютный мрак, и посмотрел на то, что должно было быть силуэтом фон Класа.

- Ты один из нас - сказал он, пораженный настолько сильно, что он не мог соображать.

- Пошли. Мы убираемся отсюда, - ответил фон Клас.

Гвардеец грустно улыбнулся и покачал головой:

- Они будут здесь в любой момент. У нас нет шансов выстоять.

- Это приказ, солдат. Я комиссар и у меня есть пара счетов, которые надо свести. Если я сказал, что мы убираемся, это значит что нас здесь уже не должно быть. Теперь вперед!

Гвардеец пожал плечами и заковылял из камеры - заключенные не были закованы в кандалы, Верредаек должно быть полагал себя выше этого. Фон Клас торопился открыть другие три камеры.

- Сэр! Проблема! - заорал гвардеец. Фрагментарное отражение приближающихся воинов эльдар скользнуло по отполированному металлу и по стенам начали колотить осколки. Когда трое остальных гвардейцев вышли, спотыкающиеся и ошеломленные, фон Клас поднял пистолет Верредаека, чтобы прикрыть их. Он выстрел на первое мелькание фиолетового и серебра, которое показалось из-за угла коридора, крошечные дротики понеслись к цели, оставляя за собой мерцающий след.

Со сдавленным криком первый эльдар рухнул вперед, схватившись за разбитую маску своего шлема. По мере того как крики становились бессвязным воем, тело воина сотрясали конвульсии, оно начало распадаться на части, будто его кто-то раздирал. Брызнула горячая кровь, и осколки костей срикошетировали от стен. Гвардейцы, двое в песчаного цвета форме, возможно с Талларна, последний, в темно-красной форме, которая возможно принадлежала Адептус Механикус - нырнули обратно в камеры, чтобы укрыться. Возможно, фон Клас не понимал языка эльдар, но он понимал страх, когда слышал его, а он слышал именно страх.

- Пошли - быстро сказал фон Клас. - Теперь они нас боятся.

Первый из освобожденных им людей кинулся вперед и схватил две винтовки там, где их бросила охрана,

одну из них он бросил талларнцу. После нескольких мгновений, потраченных на освоение оружия, они открыли прерывистый огонь по коридору, а затем поспешили за остальными.

Фон Клас и его люди - а они конечно теперь уже были его людьми, его отрядом - спешили прочь от камер. Фон Клас - впереди, двое бойцов с винтовками замыкали отряд, готовые открыть прикрывающий огонь. Все это время фон Клас слышал голоса, стражи звали подмогу, пытались организовать преследование, или возможно проклинали гвардейцев на своем отвратительном чужацком языке.

Лабиринты тюрьмы раскрывали перед ними еще более мучительные виды. По мере того, как они продвигались вперед, фон Клас начал верить в то, что выжить здесь невозможно даже комиссару. Но стражей больше не было. Не охрана должна была остановить убегающих пленников - а муки и жестокость, которые должны были сломить их волю. Фон Клас и его люди миновали ворота из рубцевого железа и едва дыша, истощенные и окровавленные двинулись на открытый воздух. Чрево машины пыток Верредаека осталось позади них.

Но чутье командира подсказывало фон Класу, что они еще не в безопасности. Потому что они освободились лишь для того, чтобы попасть в мир-город Темных эльдар. Комморраг.

Верредаек выглядит старше, подумал Кипселон, старше даже чем разбитое иссушенное существо, что впервые явилось в зал к Архонту. Но, конечно, причиной могло быть искромсанное лицо твари. Кипселон долгое время не видел Верредаека - с тех пор как гомункул впервые укрылся в своем подземном комплексе, чтобы осуществлять искусные пытки по его приказу.

Верредаек жалко ковылял по полу тронной залы Кипселона, по переливающемуся белому мрамору с аметистовыми прожилками. Он выглядел маленьким и ничтожным под взором трех сотен воинов эльдар, которые стояли по краям комнаты, оружие наизготовку, все время настороже.

- Зуб Падшего, что с ним произошло? - пробормотал Экзума, дракон Кипселона, развалившийся на сиденье со встроенными антигравитационными двигателями, так что ему не надо было никуда ходить пешком. Тихо булькающий медицинский блок вкачивал в кровь Экзумы нескончаемый поток наркотиков.

- Он потерпел неудачу - с чувством ответил Кипселон. Когда он поднялся со своего черного железного трона, его наплечники отбросили тень на свет из широкого окна позади трона. Тени сомкнулись вокруг Верредаека подобно двум огромным полумесяцам. Палач, казалось, еще больше усох, и хотя его глаз не было видно, Кипселон мог почувствовать страх в темных глазницах.

- Верредаек, ты припоминаешь, что когда ты впервые поступил ко мне на службу, мои слуги взяли немного твоей крови - глубокий голос Кипселона призрачным эхом разнесся под высоким сводчатым потолком, меж стен, покрытых фиолетовым мрамором.

- Дтааа, архонт - ответил Верредаек, его речи мешал рассеченный недавно язык.

- У меня она все еще есть. Я держу ее, и так поступаю со всеми своими сторонниками, чтобы иметь наглядное доказательство, что ты принадлежишь мне. Ты мой, ты часть моих владений, как улицы и дворцы. Как мой храм. Плата за принадлежность к Сломанному Шпилю это полное подчинение мне. И ты, тем не менее, не смог выполнить моих приказов.

Верредаек попытался что-то сказать, но он жил дольше большинства обитателей Комморрага и знал, что слова его здесь не спасут.

- Я повелел тебе доставить сюда человека, с содранной кожей и сломленного, чтобы я посмотрел, как он умирает. Ты не смог этого сделать. Причины не важны. Ты потерпел неудачу. По определению, будучи моей собственностью, ты должен быть отбракован.

Кипселон бросил короткий взгляд на первый ряд воинов и четверо из них вышли вперед и быстро схватили Верредаека.

Гомункул не сопротивлялся, когда Яе, изогнув стройное в сальто, выпрыгнула из теней прямо в центр комнаты. Ее глаза и улыбка сверкали, когда она обнажила сдвоенные гидроножи. В ее руках они превратились в молнии, когда она танцевала и убивала.

Пока Яе обрушила вихрь клинков, разрезая тело Верредаека на тысячи ошметков, Кипселон повернулся к своему дракону.

- Какова ситуация с Лезвием Клинка?

Экзума посмотрел на него остекленевшими глазами.

- Мало что изменилось, мой архонт. Уэргаксу благоволят мандрагоры и инкубы. Некоторые все еще остаются верными нам, но свой недостаток во владениях Уэргакс компенсирует замечательным искусством дипломатии. Дракон сделал паузу, чтобы задержать дыхание от удовольствия, когда еще одна доза наркотиков была впрыснута в его вены.

Кипселон покачал головой.

- Это нехорошо. Уэргакс скоро может сокрушить меня так же, как я желаю сокрушить его. Лезвие Клинка претендует на нашу часть Комморрага и если подобные случаи некомпетентности продолжат происходить, они ее получат. Яе!

Ведьма развернулась и замерла, позволив истерзанному объекту своей работы обрушиться на пол.

- Архонт?

- Человек, которого мы хотели видеть мертвым, оказался более способным, чем мы думали. Теперь он потерян в Комморраге. Найди его.

Улыбка Яе была полна подлинного удовольствия.

- Это великая честь выполнить задание, которое доставит мне столько удовольствия и по приказу столь великого.

- Не время для обольщений, Яе. Уэргакс истощает нас и мне не нужно, чтобы это сорвавшееся с привязи существо доставило еще больше проблемы. Я полагаюсь на твой успех.

- Да, повелитель.

- И будь осторожна. У этого сердце холоднее, чем у остальных. Ты можешь идти.

Яе стремительно удалилась, так, как могут только ведьмы, чтобы исполнить его приказ. Кипселон повернулся к огромному окну, которое было расположено позади него. Из окна открывался вид на Комморраг, буйство темного безумия и изломленных шпилей, мосты которые вели в никуда, изуродованные соборы в которых служили безумию и злу, город, раскинувшийся на целую планету, одновременно незавершенный и древний, кишачий под великолепным бурлящим грозовым небом. А в

центре, непристойный, обесцвеченный и бледный стоял храм Кипселона. Храм, посвященный ему, потому что он жил так долго и поднялся к такому могуществу в Комморраге, что это было практически невозможно, он стал почти богом. Тысячи колонн из бедренных костей поддерживали крышу, увенчанную черепами. На бордюрах и фронтонах скелеты изображали сцены насилия и убийств.

- Каждый эльдар, человек, орк, каждый враг которого я когда-либо убил, находится там Экзума. Каждый. Мой храм это свидетельство тому, что я никогда не сдамся. Я проложил свой путь по телам моих врагов.

Экзума позволил себе прийти в чувства на время, достаточно чтобы ответить:

- Архонт, никто не может сказать, что вы потерпели неудачу хоть в чем-нибудь, за что брались.

- Так было раньше. Я достиг власти, и я не уступлю ее такому юнцу как Уэргакс. Я не стыжусь страха, Экзума, хотя юные выскочки, такие как Уэргакс и ты сам, стыдятся. И я чувствую страх сейчас. Но я использую этот страх, и мой храм вырастет.

Снаружи начал падать разъедающий дождь Комморрага.

- В городе ты нуждаешься в тех, кому нужны твои деньги или честь. В степях, в пустыне, ты нуждаешься в братьях - Рахимзадех с Талларна был жилистым, крепким человеком. Солдатом он был недолго, но уже хорошо разбирался в отчаянном страхе и безнадежности войны.

- Хотя нас осталось только двое, мы все еще братья.

Ибн, второй талларнец, поднял взгляд с изукрашенной эльдарской винтовки, которую он изучал.

- Ты не поймешь. На твоём Гидрафуре миллионы людей живут на виду друг у друга. Нет места для истинных братьев.

Фон Клас дернулся, когда лексмеханик Склерос извлек еще один осколок из поврежденного плеча комиссара. Было такое ощущение, что бритвенно-острые кристаллы причиняли столько же боли при извлечении, сколько при попадании внутрь.

- Братья или нет, субординацию еще никто не отменял. Я комиссар, а вы теперь мои подчиненные.

- Чего ради? - насмешливо спросил Ибн. - Какой толк здесь от приказов и чинов?

Он обвел рукой окружающие их окрестности - разрушенный остов строения, останки огромного собора, разрушенные арки и колонны. Здание было заброшено, поэтому они здесь остановились. Однако они понимали, что в Комморраге всегда найдутся злобные глаза, и их обнаружат везде, куда бы они не пошли.

- Мы можем вырваться отсюда - ответил комиссар. - Здесь неподалеку есть космопорт, рядом с храмом.

- Храмом? В этом месте нет богов - сказал Рахимзадех. - Даже свет Императора меркнет здесь.

- Он посвящен нечестивому повелителю этой части планеты. Это отродье возвело храм в честь самого себя. Космопорт расположен неподалеку, но его охраняют. Нам надо захватить храм, выманить охрану космопорта и прорваться туда.

- Мы все умрем даже не попав туда - ответил Ибн.

- Не все. Если удастся. Или, может, вы позволите захватить себя еще раз? Они не позволят вам сбежать дважды. Если мы попытаемся сбежать, мы или освободимся или умрем пытаясь. В любом случае это лучше, чем скрываться здесь, пока, кто-нибудь из них не обнаружит нас.

Рахимзадех задумался на мгновение:

- Ты говоришь правильно. Я думаю, ты хороший человек. Но нам нужны остальные.

- Нам нужна целая клятая армия - промолвил Ибн.

Фон Клас повернулся:

- Склерос?

Комиссар был прав - изодранная, темная ржаво-красная форма принадлежала Адептус Механикус. Склерос был лексмехаником, его мозг был приспособлен для сбора огромного количества информации, осуществляя вычисления и формируя отчеты о боевых действиях. Его аугментику выдавал замысловатый серебряный узор вокруг искусственного правого глаза.

- Вы сказали, что существует субординация. Как старший по званию, вы принимаете решения.

- Отлично. А ты?

Четвертый гвардеец был немногословен. Его голова была выбрита, и он носил серую форму, которая могла принадлежать одному из тысяч полков.

- Конечно. Мне все равно. Лишь бы стрелять в этих уродов.

Фон Клас изучал имперского гвардейца: его запавшие глаза, его хмурый взгляд, сломанный два или три раза нос.

- Как тебя зовут, солдат?

- Кеп. Седьмой Некромундский.

Ибн лающе и коротко рассмеялся

- Удачливые Семерки? Пески настолько не ошибаются. Ты из штрафных легионов, друг мой. Татуировка на руке, они прочли ее. У тебя шрам на запястье, там, где машина делает твою кровь безумной.

Кеп пожал плечами и поднял руку. Фон Клас увидел шрам, в том месте, где был имплантирован раздатчик наркотика ярости.

- Я соврал. Я из Первого Штрафного Легиона.

- Из Первого? - переспросил Рахимзадех с неким трепетом в голосе - "Большого"?

- Твое преступление? - спросил фон Клас, его голос напрягся, когда Склерос извлек последнюю эльдарскую шрапнель.

- Ересь. Третья степень. Обычное дело - если появляются эльдарские пираты, вы скармливаете им штрафной легион. Эльдар получают своих рабов, Империиум избавляется от очередного отребья, все

счастливы.

Синюшные облака прорвались дождем. Начали падать крупные, серые от загрязнения капли. Кеп и талларнцы сорвались, согнувшись, по направлению к углу старого собора, где еще можно было укрыться под остатками крыши.

Фон Клас обернулся к Склеросу, оставшемуся солдату. Как он и ожидал, лексмеханик не проявлял никаких эмоций.

- Что в тебе заложено?

Крупные капли чертили причудливые линии на лице Склероса.

- Протокол подавления эмоций, сэр. Это позволяет мне иметь дело со щекотливой идеологической информацией.

- Я так и думал. Склерос, ты ведь понимаешь, что нам никогда не вырваться с этой планеты, не так ли?

- Я не мог понять, как мы можем сбежать через косморпорт. Мы не сможем воспользоваться космическим кораблем, даже если разберемся в эльдарской технологии. Нас собьют. Мы не сможем отсюда сбежать.

- Я уверен, ты не скажешь этого остальным. Это задание не предусматривает нашего выживания.

Склерос протянул руку и позволил нескольким каплям собраться в его ладони. В лужице плавали серые нечистоты.

- Нам надо уйти с этого дождя. Он может нас заразить.

Вдвоем они пошли к укрытию, в то время как вокруг, душа Комморрага жаждала их крови.

Сибарит Лаевекью таращился вниз, с площадки на огромном металлическом чудовище, которое приводили в действие множество сотен страшно истощенных рабов-людей, которые были прикованы к пневматическим конечностям. Огромные клубы разъедающего дыма и пара из котла с кипящим железом скрывали их лица, и Лаевекью ощущал, будто он парит на облаках - бог, смотрящий вниз на убогих, которые одновременно и боятся его и нуждаются в нем, чтобы жить.

Страж-эльдар смотрел, как очередной раб упал. Его руки и ноги безвольно болтались, в то время как лязгающие и шипящие механизмы продолжали движение, голова моталась вперед и назад, когда машина бездушно дергала его. Скоро эльдары Лаевекью спустятся на фабричный уровень и заберут избитый труп, заменив его очередным безликим рабом.

- Сибарит Лаевекью, - торопливо сказал голос в коммуникаторе, - проблема проявила себя.

- Подробнее, Ксарон.

- Это Кителлиас. Она не отзывалась, будучи на патрулировании, и мы отправились ее искать. Ее глотка перерезана, от уха до уха. Очень красиво. Очень чисто.

Лаевекью проклял свою удачу.

- Беглецы. Приведите мне каждого вооруженного эльдар, на площадку расположенную над главным

холлом. Мы прочедем весь завод и выпотрошим их на виду у остальных, чтобы эти грубые животные осознали цену непокорства.

- Это может оказаться не такой простой задачей. Леди Яе говорила об сбежавших опасных рабах арены.

- Тогда за их поимку и награда будет большей. Пришлите всех сюда. Это понятно?

Ответа не последовало. Неясные статические помехи скрипели вместо голоса воина.

- Я сказал - это понятно? Ксарон?

Ничего. Лаевекью оглядел паутину площадок, которые охватывали огромное пространство над главным залом фабрики. Он ничего не мог увидеть сквозь клубы пара. Внезапно он почувствовал себя одиноким.

Когда Лаевекью заметил человека, который бежал к нему по площадке, он был уверен, что сможет справиться с ним. Человек был высокого роста, наверняка сильный, его волосы были коротко острижены, мускулистое тело было усеяно шрамами. Хотя человеческое существо где-то нашло режущую перчатку и пистолет стреляющий отравленными шипами, но оно наверняка толком не умеет с ними обращаться.

Лаевекью вытащил свой осколочный пистолет и с наслаждением прицелился. Он представил, как стреляет животному в брюхо, и наслаждается видом чудовищной боли, перед тем как снести человеку голову.

Но прежде чем он смог нажать на спусковой крючок, человек прыгнул и полоснул сверкающими лезвиями режущей перчатки по одной из цепей, соединяющей высокий потолок с площадкой. Он приземлился, практически рухнув лицом вперед. Лаевекью улыбнулся, зная, что не промахнется по лежащей цели. Комната вокруг него взмыла вверх, когда площадка рухнула вертикально вниз, цепь, которая удерживала ее, была перерезана. Последним что видел Лаевекью, были бледные напуганные лица рабов, задранных головы вверх и глядящих на него сквозь дым, а также беспощадный алый жар котла, перед тем как жидкий огонь поглотил его.

Фон Клас встал рядом с Кепом. Гвардеец только что увидел, как расплавленный металл с головой накрыл эльдара.

- Твоя ересь может и третьей степени - сказал комиссар - но убийца ты первоклассный.

- Это позволило мне остаться в живых.

Кеп заглянул за перила площадки, вниз на нижний уровень фабрики. Сотни напуганных глаз смотрели оттуда - Так что теперь?

- Мы начинаем нашу маленькую войну. Пусть Рахимзадех и Ибн начнут расковырять этих рабов. И пришли сюда Склероса, нам нужны его технические навыки. Теперь у нас есть армия.

Самым невыносимым из всего было то, подумал Кипселон, что он мог видеть все происходящее со своего трона. Прекрасный холодный храм из костей, символ совершенства, которым отмечена его бессмертная жестокая жизнь, теперь был осквернен присутствием двух тысяч чужаков-варваров.

- Как давно они его захватили? - спросил он тихим спокойным голосом. Он говорил так всегда, когда

находился в состоянии полного бешенства, будучи очень опасен.

Глаза Екзумы немного прояснились.

- С тех пор как село второе солнце - ответил он - Они атаковали храм и вырезали гарнизон. Некоторые из них теперь хорошо вооружены, там был целый арсенал. Это точно твой человек. Он, должно быть, набрал рабов с захваченной несколько часов назад фабрики Лаевекью. Помнишь Лаевекью? Умный мальчик.

Кипселон резко махнул рукой, и огромное окно затемнилось. Он развернулся, его темные фиолетовые одеяния мели по полу за ним. Кипселон зашагал в центр тронного зала, глаза его элитных воинов следили за каждым его движением. Он воздел руки и начал говорить, его голос был глубоким и звенел от ненависти.

- По машинам, дети мои! - взвыл он - Это такое же оскорбление для вас, как и для меня. Не будет животных оскверняющих мой храм. Не будет варваров отвергающих наше естественное превосходство! Берите оружие, и мы будем пировать в крови рабов.

Воины схватились за оружие и закричали. Их пронзительный боевой клич прокатился по дворцу и вырвался в Комморраг, эхом разносясь меж чудовищных шпилей в воздухе, заполненным злобой.

Изнутри храм огромной пустой конструкцией, выбеленной, чудовищные позвонки стягивали свод, возвышающийся надо всем, сложенный из черепов алтарь размером с командный бункер. Рабы укрывались за баррикадами, которые они возвели из обломков разрушенных зданий Комморрага, частей рухнувших арок, куч железных шпилей. Те, кто были вооружены пистолетами и винтовками целились вдаль - а те, кто нет, нашли заостренные обломки металла или тяжелые прутья, чтобы сражаться в ближнем бою.

Рахимзадех и Кеп были в первых рядах, рабы выстроились вокруг них. Фон Класу пришло на ум, что потерянные, сломленные рабы были первыми подчиненными, которые когда-либо были у гвардейца. Рядом с алтарем Ибн командовал самыми сильными из рабов, теми кому поручили несколько найденных тяжелых орудий.

- Сколько у нас людей? - спросил Склероса фон Клас.

- Восемь сотен. Из двух тысяч участвовавших в атаке.

- Вооружены?

- Семь сотен - Склероса, казалось, не волновала эта информация.

Фон Клас посмотрел сквозь колонны на вспененное небо. Он увидел нечто, неуловимые мелькающие, словно мухи, черные точки. Он видел их раньше, в неисчислимых миллионах миль отсюда, на небольшой луне Гидрафура. Это были разрушительные боевые машины эльдар: Рейдеры.

- Ни один из чужаков не должен выжить. Принесите мне голову человеческого отродья, которое осмелилось не подчиниться мне. Кипселон отдал приказ суровым, спокойным голосом, зная, что он будет передан прямиком в мысли каждого из эльдар под его командой.

Его изукрашенная боевая машина коснулась земли и повсюду вокруг него хлынули потоки его сторонников, волной ударив в самодельные баррикады и пронесшись над ними. Первая волна была отражена рабами, вооруженные люди укрывались за баррикадами и палили из осколочных винтовок по врагам. Искалеченные воины падали на пол, сотня за каждый залп, но их можно было заменить.

Из глубины первых рядов вырвалась толпа рабов вооруженная отчаянным страхом и злобой. Их возглавлял обритый налысо маньяк с осколочным пистолетом в каждой руке, ярость в его глазах спланивала вокруг него рабов, вооруженных грубыми клинками и дубинами.

Ведьмы Яе встретили их, радостно танцуя меж варваров, разя кругом своими серебристыми клинками, рассекая бледнокожие тела рабов. Но рабы не откатывались назад, продолжая атаку, даже когда их предводитель погиб под сдвоенными клинками Яе. Погибло бесчисленное множество рабов. Некоторых раскромсали на куски клинки, других изрешетили шрапнелью. Плотный огонь из украденных темных копий и осколочных орудий выкосил воинов эльдар, но Яе прорвалась и кровь рабов по щиколотку залила пол храма.

Кипселон приказал своей машине двигаться вперед через бойню. У него была лишь одна цель – человеческое отродье, что начало все это, у которого было холодное сердце, которое дерзко стояло на алтаре из черепов, с оружием, украденным у Верредаека.

Приведя легким ударом кулака по лицу жалкую переводчицу Верредаека в состояние готовности, Кипселон приземлился в пределах слышимости человека, чтобы они могли поговорить, и чтобы им не мешали крики умирающих. Телохранители эльдар стояли неподалеку. Кипселон заговорил.

- Кто ты такой, отвергающий мою волю? – спросил он через переводчицу.

- Я комиссар фон Клас, с Гидрафура – ответил чужак так, будто совсем не боялся. – Возможно, ты помнишь. Когда ты захватил в плен моих людей, ты отобрал часть из нас, чтобы убить ради своего наслаждения. Десять процентов.

Кипселон задумался на мгновение. Он был стар, он убил так много...

Потом он вспомнил.

- Конечно, – сказал он с гордой улыбкой. – И ты один из десяти.

Человек, фон Клас, холодно улыбнулся:

- Нет, один из миллиона.

Кипселон заметил юнца слишком поздно, юнца в грязной темно-красной форме, с металлической сеткой на части лица, который скрывался у подножия алтаря. Он нажал на взрыватель на пульте, который держал в руках.

Дюжина зарядов украденных с фабрики сработали одновременно. Они подорвали основания колонн и с потолка посыпались осколки костей. Обломки крушили и людей и эльдар, пробивали корпуса эльдарских Рейдеров. Только машина Кипселона смогла проскользнуть меж колонн. Половина из воинов была погребена, когда облако пыли поднялось чтобы скрыть груды взорванных костей, которые когда-то представляли бесконечную карьеру убийств и жестокой славы Кипселона. Обломки черепов сыпались с неба цвета мертвой плоти.

Кипселон ощутил чувство, которое давно его не посещало. Чувство, что он потерял управление.

- Смерть людям - прошипел он всем, кто мог его слышать - Я не желаю, чтобы хоть один раб загрязнял мой город! Убить их всех! Каждого! Эти отвратительные твари никогда больше не смогут пережить встречу со мной.

Когда фон Клас очнулся, он был прикован к холодному металлу пола. Кожа на его спине была ободрана плетью. Он не мог толком сфокусироваться, во рту стоял привкус крови. В скудном свете он мог разглядеть, что его ноги были переломаны и лежали перед ним подобно бесполезным отросткам. Судя по всему, он умирал. Но победил ли он? Он снова провалился в беспамятство.

Дни или недели спустя, он не мог точно сказать, дверь камеры открылась и еще двоих пленников швырнули внутрь. Одна была человеческой девочкой, с всклокоченными волосами, которые когда-то были светлыми. Она пресмыкалась подобно побитой собачонке.

Другой был эльдар, стройный и хрупкий без своей брони и легионов отборной стражи. Его глаза были тусклыми, его морщинистая кожа была покрыта синяками. Он уставился на фон Класа и начал узнавать его. Затем он заговорил. Переводчица заговорила, переводя шипящий темный язык на уровне инстинкта вложенного в ее душу.

- Я знал, что у тебя холодное сердце, человек - сказал Кипселон с чувством похожим на восхищение.

Фон Клас мрачно засмеялся, несмотря на то, что его глотка саднила.

- Чем же все закончилось? Что тебя добило?

Кипселон обреченно покачал головой.

- Уэргакс. У нас не было рабов, не было фабрик, не было пушечного мяса. Нас подкосило. У него были мандрагоры, инкубы. Он вырезал Сломанный Шпиль так, будто был рожден для этого.

Архонт осел на пол камеры и фон Клас увидел, что огни честолюбия погасли в глазах старого эльдара.

- Твои Рейдеры показались как пятнышки на наших радарах - сказал человек называющий себя комиссаром. - Семьдесят два часа спустя, я был единственным выжившим из семнадцати полных взводов. Но у меня были приказы. Я должен был уничтожить любую угрозу, а комиссар либо выполняет приказ, либо умирает. Я выполнил свой.

Он посмотрел на Кипселона своими глубокими, непонятными чужацкими глазами.

- Мы люди не так глупы, как вы эльдар полагаете. Припомни мои слова, когда Уэргакс придет чтобы казнить нас обоих. Я знаю, что мне перережут горло ножом, как животному.

Но я догадываюсь, что тебе придется испытать много, много больше, прежде чем ты умрешь...

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Побег_из_ада/_Hellbreak_\(рассказ\)&oldid=11804](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Побег_из_ада/_Hellbreak_(рассказ)&oldid=11804)

Эта страница в последний раз была отредактирована 15 марта 2020 в 12:56.